

Линь Цюнь чмокнул губами, невнятно пробормотал что-то в ответ и снова погрузился в объятия.

— Линь Цюнь! — Мужчина помрачнел, и в его голосе стало заметно больше холодности.

Линь Цюнь хмыкнул:

— М-м?

Фу Синъюнь глубоко вдохнул:

— Вставай.

В следующий момент Линь Цюнь, не открывая глаз, лениво поднял руку, растопырив пальцы, словно сонный школяр, и пробормотал:

— Еще пять минуток...

...

Мужчина, услышав это, так и пролежал на кровати ровно пять минут, не шелохнувшись.

Пять минут спустя:

— Линь Цюнь, вставай.

— Хр-р-р...

— ...

Фу Синъюнь приподнял свободную руку, собираясь стащить того с себя, но, заметив тёмные круги под глазами спящего, замер.

Рука поднялась — и снова опустилась.

Он уставился в потолок, слушая тихое посапывание на своей груди, и сдавленно вздохнул.

Линь Цюнь наконец проснулся только ближе к одиннадцати утра.

— Доброе утро.

Фу Синъюнь ответил с каменным лицом:

— Уже не утро.

Линь Цюнь приподнял голову и глянул на часы:

— Добрый день.

...

Медленно, как коала, он приподнялся и потрогал лоб Фу Синъюня:

— Температуры нет. Голова болит?

Утреннее солнце освещало его лицо, делая фарфоровую кожу почти прозрачной.

Фу Синъюнь ответил лаконично:

— Нет.

Линь Цюн наконец расслабился:

— Хорошо. Вчера ты весь горел и бредил.

Фу Синъюнь посмотрел на него:

— Например?

Линь Цюн подобрал слова:

— Говорил всякое без разбора.

— Так вот почему утром ты решил породниться?

Сердце Линь Цюна ёкнуло, и остатки сна как рукой сняло.

В голове всплыли обрывки незнакомых воспоминаний, и он поспешил оправдаться:

— Я просто спал и ничего не соображал.

...

Затем он вдруг перевёл стрелки:

— Но это ты первый начал!

Фу Синъюнь парировал:

— А ты зачем поддакивал?

Линь Цюн, покраснев, опустил глаза:

— Супруг супругу под стать. (*игра слов с китайской поговоркой "муж поёт — жена подхватывает")

— ...

Затем, приняв вид образцового благородного мужа, он торжественно заявил:

— Но я точно не пытался воспользоваться тобой!

Фу Синъюнь поднял на него взгляд.

Линь Цюн застенчиво потупился:

— Я просто хотел... чтобы наша связь стала крепче... Пойду готовить завтрак.

Спешно сменив тему, Линь Цюн вскочил с кровати и выскользнул из спальни, словно мышка, утачившая кусочек сыра.

Фу Синъюнь сначала ополоснулся в душе, затем оделся и только после этого спустился вниз.

Взгляд Фу Синъюня скользнул по овощной каше на столе, затем остановился на Линь Цюне.

Тот, с аппетитом уплетая свою порцию, пояснил:

— Ты болеешь, тебе лучше есть что-то легкое.

Фу Синъюнь взглянул на его тарелку:

— А это у тебя что?

— Жареный стейк.

...

— Ты специально? — голос Фу Синъюня стал грозным.

Линь Цюн сделал удивленные глаза:

— Конечно нет!

Затем изобразил оскорбленную невинность:

— Я о твоём здоровье забочусь, а ты меня в дурных намерениях подозреваешь...

Фу Синъюнь смотрел на эту актерскую игру, чувствуя, будто сам оказался виноватым — хоть и не понимал, в чем именно.

Линь Цюн с наигранной грустью заявил:

— Я же специально встал пораньше, чтобы приготовить этот жирный стейк — и всё ради тебя!

Фу Синъюнь: ?

Линь Цюн:

— Я знаю, как ты любишь мясо.

— И?

— Поэтому я ем, а ты смотришь — «смотри на сливу, чтобы утолить жажду»*.

С этими словами он с удовольствием откусил ещё большой кусок.

...

Затем с подчёркнутой заботой добавил:

— Только не забудь подуть на кашу, а то обожжёшься.

И, довольно улыбнувшись, принялся за еду.

— Вот это я понимаю — забота!

После обеда Линь Цюн не стал тащить Фу Синъюня на прогулку, а устроил ему «солнечные ванны» у панорамного окна.

Простуда только отступила, да и осень уже на носу — выходить на холодный воздух было рискованно. Притащив второй стул, он уселся рядом.

Вспомнив, как той ночью Фу Синъюнь, в жару, сжимал его руку и бормотал несвязное, Линь Цюн искоса взглянул на него и лениво протянул:

— Ну что, отдыхать так — приятно?

Ещё в прошлой жизни он обожал такие солнечные дни. Стоило осенью выглянуть лучам — он тут же тащил на улицу своё одеяло, чтобы как следует прогреться.

Фу Синъюнь повернул голову, изучая его лицо.

— Можешь отдыхать так хоть каждый день, — добавил Линь Цюн.

Мужчина явно замер на мгновение, уже собираясь что-то сказать — как вдруг раздался звонок в домофон.

«Дин-дон!»

Линь Цюн удивлённо приподнял свою пушистую голову:

— Кто бы это мог быть?

Обычно к ним никто не приходил.

Фу Синъюнь потянулся к коляске, но Линь Цюн опередил его:

— Ты продолжай греться на солнышке, я посмотрю.

Подойдя к двери, он взглянул на монитор домофона:

— Кто там?

Донёсся надменный голос:

— Это я.

Линь Цюн нахмурился:

— ...А «я» — это кто?

На другом конце раздражённо буркнули:

— Фу Цзинлинь.

— Не знаю такого.

...

Послышался глубокий вдох, словно кто-то собирался с терпением:

— Я ищу своего дядю.

Зная, что в этой истории мало адекватных персонажей, Линь Цюн насторожился:

— А дядя у тебя кто?

— Фу Синъюнь! — прозвучало сквозь стиснутые зубы.

Услышав это, Линь Цюн приложил трубку домофона к груди и гаркнул вглубь квартиры:

— Синъюнь! Тут к тебе какой-то... человек!

Как раз в этот момент Фу Синъюнь подкатил на коляске:

— Кто там?

Линь Цюн ткнул пальцем в экран:

— Фу Цзинлинь. Называет тебя дядей.

Услышав имя, Фу Синъюнь нахмурился:

— Скажи, что меня нет.

Линь Цюн добросовестно передал:

— Его нет дома.

Фу Цзинлинь в трубке, отчётливо слышавший весь диалог:

...

— Я же слышу его голос!

Линь Цюн безмятежно парировал:

— Тебе показалось.

— А кто тогда только что сказал “Скажи, что меня нет”?

— Мой муж.

За дверью голос нерешительно уточнил:

— Линь Цюн?

— Да, я.

Последовала пауза, а затем взрыв возмущения:

— Так это ты тот самый притворщик?!

Линь Цюн: ???

Он медленно опустил голову, изобразив на лице чистую невинность, и укоризненно посмотрел на Фу Синъюня.

Взгляд красноречиво говорил: Он меня обозвал.

Лицо Фу Синъюня тоже потемнело:

— Пусть извинится.

Линь Цюн взглянул на своё «голубиное яйцо»* на пальце и сразу обрёл уверенность:

— Извиняйся!

Фу Цзинлинь фыркнул:

— А если нет?

Линь Цюн даже не разозлился:

— Тогда не войдѐшь.

...

Услышав запрет, гость взорвался:

— По какому праву?!

— По праву хозяина этого дома, — невозмутимо ответил Линь Цюн.

...

После долгой паузы в трубке домофона сквозь зубы выдавили:

— Извини меня.

Фу Синъюнь наконец равнодушно бросил:

— Открой дверь.

И, развернув коляску, направился обратно в гостиную.

Линь Цюн распахнул дверь — на пороге стоял рослый юноша с мощным телосложением, лет семнадцати-восемнадцати, выглядевший так, словно мог пережить любой катаклизм.

Подросток переступил порог, кинул на Линь Цюна недобрый взгляд, затем швырнул на пол спортивную сумку и натянуто произнёс:

— Дядя.

Фу Синъюнь поднял глаза — один этот взгляд, полный холодного укора, говорил больше любых слов.

Лицо Фу Цзинлиня помрачнело, когда он плюхнулся на диван.

Фу Синъюнь без эмоций спросил:

— На этот раз что случилось?

Юноша принял глубокомысленный вид:

— Поссорился с матерью.

Почувяв «вкусный чаёк»*, Линь Цюн тут же пристроился рядом с Фу Синъюнем, вооружившись мандарином.

— И из-за чего на этот раз?

Это самое «на этот раз» звучало особенно красноречиво.

— Она меня не понимает! Будто всё, что я делаю — ошибка!

Фу Синъюнь хладнокровно заключил:

— Твоя мать всё понимает правильно.

Линь Цюн сразу не понял — а вдруг проблема действительно в родителях?

Но тут мужчина продолжил:

— Когда ты в прошлый раз сбежал «спасать мир», твоей матери следовало перебить тебе ноги.

...

Линь Цюн мысленно вздохнул: А, так это просто подростковый максимализм. Тогда ладно.

В книге не было подробных описаний семьи Фу Синъюня. Лишь из их разговора Линь Цюн узнал, что этот юноша — сын родной старшей сестры Фу Синъюня. После развода родителей он остался с матерью, поэтому носит её фамилию.

Фу Цзинлинь раздражённо взъерошил волосы:

— Дядя, в этот раз всё по-другому, чёрт возьми!

Фу Синъюнь нахмурился:

— Следи за языком.

— Дядя, серьёзно, в этот раз всё иначе!

Линь Цюн: «...»

Фу Синъюнь нехотя спросил:

— Что именно?

— Я завёл парня, а мать против! Требуется, чтобы я порвал с ним отношения... Она уже совсем перешла границы, лезет в мою личную жизнь!

Словно пулемёт, подросток продолжал выплёскивать своё негодование, а Линь Цюн тем временем невозмутимо съел дольку мандарина.

«М-м, сладкий.»

Затем он украдкой ткнул пальцем в Фу Синъюня и поднёс к его губам другую дольку:

— Хочешь? Очень сладкий.

Фраза звучала как вопрос, но в его действиях не было и намёка на возможность отказа.

Фу Синъюнь отвернулся:

— Я не нуждаюсь в том, чтобы меня кормили с руки.

Линь Цюн поднял бровь:

— Значит, вчерашний куриный суп ел кто-то другой?

...

Помолчав, Фу Синъюнь всё же наклонился и взял дольку из его рук.

— Она настоящий тиран! Совсем меня не понимает! Я так устал! Дядя, ну скажи — разве она не переходит все границы?!

Выпалив это, Фу Цзинлинь поднял голову — и застыл.

...

«В этой сцене из трёх человек, похоже, только я лишний.»

Фу Синъюнь, почувствовав его взгляд, покашлял. Линь Цюн, разжевывая очередную дольку, спросил:

— То есть ты сейчас... сбежал из дома?

— Я просто преподавал матери урок! — юноша гордо вскинул подбородок. — Она ещё пожалеет о своём поведении!

Линь Цюн протяжно: О-о-о. Значит, тебя выгнали.

...

Попав в точку, Фу Цзинлинь скривился:

— Не твоё дело!

Но под взглядом Фу Синъюня тут же съёжился и замолчал.

Дальнейший разговор Линь Цюна не заинтересовал — доев мандарин, он занялся своими делами. Лишь изредка подносил им сок и воду.

Зная, что подросток грубиян и невоспитан, он не ожидал благодарности.

— Дядя, я поживу у тебя пару дней. Когда мать одумается — вернусь, — заявил Фу Цзинлинь.

Фу Синъюнь нахмурился:

— Ты уверен, что не сделал ничего плохого?

Обычно, если бы Фу Цзинлинь не провинился, Фу Юань не стала бы выгонять его в гнев.

Фу Цзинлинь промолчал, словно не желая продолжать тему. Видя это, Фу Синъюнь лишь вздохнул и не стал давить.

К вечеру Линь Цюнь приготовил ужин и позвал их к столу, после чего поспешил на кухню за супом.

Это был особый костный бульон, который он сварил специально для Фу Синъюня.

Фу Цзинлинь, усевшись за стол, тут же бросил бесцеремонное:

— А мне?!

Фу Синъюнь нахмурился:

— Руки отсохли?

Примечание автора:

Фу Цзинлинь: «Неужели у одиноких псов нет прав?!»

*«Смотреть на сливу, чтобы утолить жажду» (□□□□) — китайская идиома, означающая утешение себя иллюзиями.

* «Голубиное яйцо» — разговорное название крупного бриллианта. Здесь подчёркивает, что Линь Цюнь буквально черпает уверенность в дорогом украшении.

*«Почувствуй "вкусный чаёк"» — адаптация китайского сленга (досл. «есть арбуз»), означающего любопытство к чужим драмам.

<http://bllate.org/book/12640/1121115>